

Лекарь Чжоу никак не ожидал от Хана Чжо столь бурной вспышки гнева. Оторопев, он мог лишь молча смотреть, как разгневанный Хан Чжо, сжимая в руке обнажённый меч, стремительно направляется к дворику Душистых Орхидей.

Находившийся поблизости управляющий Лю Гэнь, человек хваткий и сообразительный, среагировал мгновенно. Сначала он растерялся, но тут же велел дежурному слуге немедленно бежать к старой госпоже Хань и доложить о происходящем, а сам бросился наперерез разбушевавшемуся хозяину.

Преградив ему путь, Лю Гэнь заговорил торопливой, сбивчивой скороговоркой:

— Господин! Старый слуга знает, как у вас сердце болит за наследника! Обида душит, это верно, но стоит ли марать руки о ничтожную рабыню? Матушку Дун прислали из поместья маркиза Цзинго. Вот пускай они сами с ней и разбираются! Уж поверьте, они сполна ответят перед нашим домом за такое вероломство!

Хан Чжо с силой пнул вцепившегося в него слугу, отшвырнув с дороги, и яростно сплюнул:

— Присланная маркизом, говоришь?! Да хоть самим императором! Эта тварь едва не сжила со света моего сына! Чтобы заставить её ответить головой, мне нужно спрашивать позволения у этих выскочек?!

Повалившись в пыль, Лю Гэнь тут же вскочил на колени и запричитал пуще прежнего:

— Помилуйте, господин, к чему пороть горячку! Кабы то был наш дворовый холоп, мы бы его без лишних слов забили палками до смерти! Но вы о сыне печётесь, а разве наследник о вас не думает? Он ведь потому и пощадил её пока, чтобы припереть к стене поместье маркиза! Пожалейте чувства Наследника, примите его сыновнюю заботу!

Управляющий бил в самую точку. Переложив вину за отравление наследника на плечи людей из поместья Цзинго, они спасали лицо. Мол, матушка Дун — засланная змея, искусно скрывавшая свой яд. Герцогская усадьба, конечно, проявила досадную оплошность, но злого умысла в её действиях не было.

Лю Гэнь хлопотал не зря. После недавнего устроенного Хан Сизнем погрома на юбилее старой госпожи Хань по столице и так поползли грязные слухи. Кумушки на всех углах шептались, что Наследник — кровожадный безумец, готовый резать людей средь бела дня. Тень легла на всю семью, ставя под удар репутацию младшего поколения. Расследовать внутренние распри дома Хань сейчас было смерти подобно. Виновником должен был стать чужак.

К этому моменту лекарь Чжоу окончательно пришёл в себя. Вмешиваться во внутренние дела благородного семейства ему не хотелось, однако, видя неистовство хозяина дома, он счёл долгом подать голос:

— Прошу вас, господин герцог, умерьте гнев.

Хан Чжо обернулся к лекарю. Глаза его налились кровью, губы мелко дрожали, но слова так и застряли в горле. В сердцах он с силой вонзил клинок в землю и рывкнул уползшему в сторону Ли Ханю:

— Пошёл вон отсюда!

Проводив лекаря, Хан Чжо ненадолго застыл в парадном зале, а затем угрюмо зашагал к себе. Его личные покои располагались в главном жилом секторе усадьбы — дворике Просвещённых Волн. Здесь не было кричащей роскоши, но убранство отличалось изысканной простотой и безупречным вкусом, радуя глаз тонкими линиями мебели и редкими вещицами.

В комнате, тихонько роняя слёзы, его ждала госпожа Лю. Завидев супруга, она поспешно утерла лицо и натянула кроткую, приветливую улыбку:

— Вы вернулись, господин мой?

Хан Чжо лишь устало кивнул. Тяжело вздохнув, он опустился в кресло. Госпожа Лю взмахом руки отослала слуг, подошла со спины и принялась мягко разминать ему затекшие плечи.

Спустя минуту томительного молчания герцог глухо спросил:

— Где Юэвэнь?

Юноша унаследовал от отца благородные черты лица и крепкое сложение. Помимо сына, у Хана Чжо росли две дочери от наложниц: весёлая Цинсю и кроткая Цинюань. Обе девицы воспитывались своими матерями, робели перед грозным отцом и в покои законной супруги заглядывали неохотно.

Вопрос мужа отозвался в душе госпожи Лю тихой радостью.

— Навещает бабушку в её покоях, — ласково пропела она. — Утешает её добрым словом.

Хан Чжо долго молчал, переваривая услышанное, затем мягко накрыл ладонью её пальцы на своём плече:

— Знаю... Тяжело тебе пришлось.

Эти слова заставили госпожу Лю вновь разрыдаться. Она прекрасно поняла, о чём говорит супруг.

Подарки, отправленные чиновнику Чжан Ханпину, некогда принадлежали покойной госпоже Ван, первой жене герцога. И теперь кто-то должен был ответить за растрату чужого приданого. Иначе упрямый Чжан Ханпин, не получив внятных объяснений, донёс бы дело до самого императора, выставив Хана Чжо никчёмным хозяином, неспособным навести порядок в собственной семье.

Сама госпожа Лю к тем вещам даже не прикасалась — поживилась ими старая госпожа Хань, но провернула всё руками невестки. Да и чего кривать душой: семья госпожи Лю, происходившей из захудалой ветви семьи старой госпожи, роскошью не избалованная, радовалась богатому наследству. Когда свекровь начала потихоньку таскать драгоценности покойной соперницы, госпожа Лю лишь молча одобряла это.

Они действовали в полной уверенности, что дело шито-крыто. Дочь покойной, Хан Минчжу, уехала в далёкий Сицзян и не имела представления о материнском наследстве. Даже если бы она вернулась, её замужество полностью зависело бы от воли мачехи и свекрови. А чахлый Хан Сиэнь, по общему убеждению, не должен был дожить до совершеннолетия.

Кто же знал, что этот калека выкинет такой трюк? Рабыня Би Хуа назвала именно те редкие безделушки, которые уже были тайно проданы или подарены. Хан Сиэнь не просто испортил юбилей свекрови и опозорил весь дом — он выставил на всеобщее обозрение грязные тайны их усадьбы и рассорил семью с влиятельным временщиком Чжан Ханпином.

Искать виновного внутри не имело смысла, важнее было замять скандал. Естественно, старую госпожу обвинить никто бы не посмел — она оставалась лицом и честью рода. Значит, искупить вину предстояло невестке. Свекровь уже намекнула госпоже Лю, что той придётся провести месяц в буддийском молельном зале за переписыванием сутр. Раз уж Чжаны не стали раздувать дело публично, добровольное затворничество хозяйки дома послужит негласным извинением и убережёт репутацию младших наследников.

Жаловаться мужу на свекровь госпожа Лю не могла — за такие намёки её мигом обвинили бы в подрыве сыновней почтительности. Старая госпожа Хань и вовсе стёрла бы её в порошок. Но показать свою обиду и кроткую покорность судьбе было необходимо. Оттого она и плакала так горько перед приходом супруга.

Убедившись, что муж оценил её жертву, она преданно заглянула ему в глаза:

— Всё хорошо, супруг мой. Чтение сутр очищает душу и дарует покой.

Герцог лишь тихо вздохнул, закрыл глаза и больше не проронил ни слова.

Тем временем лекарь Чжоу, покинув герцогское поместье, поспешил напрямик во дворец. Оказавшись в императорском кабинете, он без прикрас и утайки изложил государю всё, свидетелем чего стал, не забыв упомянуть и ярость Хана Чжо, едва не прирезавшего няньку на месте. В его рассказе не было ни преувеличений, ни попыток кого-то судить — лишь сухие факты.

Император, мужчина разменявший пятый десяток, успел изрядно раздобреть, хотя в благородных чертах его лица всё ещё угадывалась былая красота утончённого повесы. Слегка выпятив округлый живот, он лениво полулежал на расшитой кушетке. Тёмные круги под глазами недвусмысленно намекали на очередную бурную ночь, проведённую без сна. Выслушав доклад лекаря, государь оживился:

— Неужели этот заморыш и впрямь запер собственную кормилицу под замком?

Лекарь Чжоу почтительно склонил голову. Тщательно взвешивая каждое слово, он ответил:

— Ваше Величество, слухи не врут. Наследника зовут Хан Сиэнь, он ещё не достиг совершеннолетия. По характеру и хватке он ни капли не походит на своего отца-герцога — слишком холоден, горд и решителен. Да и внешне сходства мало. Вот только здоровье его подорвано безвозвратно. Боюсь, до зрелых лет ему не дожить.

Государь на мгновение задумался, глядя в пустоту, а затем негромко хмыкнул:

— Решителен и холоден... Нечасто в роду Хань рождаются подобные люди. Жаль, если такой цветок увянет слишком рано.

Поманив пальцем своего доверенного слугу, великого внутреннего управляющего Юань Бао, император повелел:

— Ступай вместе с лекарем в мою личную сокровищницу. Выбери лучшие снадобья для Наследника. Да не забудь отдать ему тот тысячелетний фиолетовый женьшень, что прислали из Сижуня.

Юань Бао внутренне так и обомлел. Подобных корней в сокровищнице государя хранилось всего три: один поднесли вдовствующей императрице, а оставшиеся два берегли пуше зеницы ока. Однако верный евнух не выдал своего изумления ни единым жестом и поспешно склонился в поклоне.

Взмахом руки отпустив слуг, император вновь прикрыл глаза.

Весть о монаршей милости вихрем пронеслась по залам гарема. И если императрица и прочие наложницы отнеслись к ней равнодушно, то в стенах дворца Вэньян добродетельная наложница Хан Юнь едва не задохнулась от гнева.

Её сын, пятый принц Цзи Хуай, после возвращения из герцогского поместья слёг с сильнейшим жаром. Перепуганная до полусмерти мать не отходила от его постели, а лекари в один голос твердили, что виной всему сильный испуг. Когда император соизволил навестить больного сына, Хан Юнь попыталась вкрадчиво пожаловаться на жестокость и дикий нрав Хан Сиэня.

Государь тогда промолчал, а теперь осыпал этого паршивца дарами! Как тут было не прийти в ярость?

Впрочем, Хан Юнь была опытной тигрицей и знала, что за ней наблюдают сотни недоброжелательных глаз. Она не стала крушить драгоценный фарфор или срывать злость на служанках, не желая давать соперницам повода для сплетен.

Когда Юань Бао прибыл во дворик Душистых Орхидей, Хан Сиэнь встретил его в своей обычной ленивой манере. Однако для всех обитателей усадьбы этот визит стал ясным знаком: Наследник вернул себе расположение небес, и прежним отношение к нему уже не будет.

Проводив евнуха, Хан Сиэнь внезапно решил прогуляться.

Дворовая челядь, разумеется, попыталась было преградить ему дорогу под предлогом заботы о его здоровье, но верный слуга Ань Цао утихомирил их такой отборной бранью, что желающих соваться вперёд больше не нашлось. Наследник беспрепятственно покинул стены родного дома.

Проспект Алого Феникса

Земля в столице ценилась на вес золота, и поместье герцога Хань располагалось в самом престижном квартале, по соседству с усадьбами знатнейших сановников.

Хан Сиэнь медленно шёл по мостовой. Его измождённый, болезненный вид привлекал внимание прохожих, но люди предпочитали обходить его стороной, брезгливо перешёптываясь и опасаясь нажить неприятностей. Вскоре юноша почувствовал, что силы покидают его — дыхание перехватило, а в груди заклокотало. Слабое тело отказывалось служить.

Добравшись до оживлённого перекрёстка, он засмотрелся на вывеску чайной Башни Весеннего Ветра. Было бы славно посидеть там, послушать досужие байки рассказчиков... да вот беда — в карманах не нащупывалось ни единой монеты.

Вспомнив о своей убогой шкатулке с жалкими обрезками серебра, оставшейся дома, Хан Сиэнь лишь горько усмехнулся. Что ж, это отличный повод вновь потрепать нервы дражайшим родственникам.

Понимая, что сделать больше ни шагу не в силах, он прислонился к прохладной стене трактира, переводя дух.

Он уже собирался велеть Ань Цао вернуться в усадьбу и вытрясти из отца серебро, как вдруг перед его глазами колыхнулся роскошный подол одеяния, расшитый золотыми и серебряными нитями. Не успел юноша поднять голову, как на мостовую перед ним со звоном упал увесистый

слиток серебра.

Хан Сиэнь удивленно приподнял бровь. Сосредоточившись, он прислушался к мыслям незнакомца, чья тень упала на него:

«Какой несчастный... Наверное, бедный книжник, которого выставили за дверь. С лица бледный как смерть, едва дышит — не жилец, видать. Даже нищие на паперти и те здоровее выглядят. А ведь лицом на редкость пригож...»

«Пригож?» — Хан Сиэнь мысленно хмыкнул, вспомнив свою иссохшую, желтоватую кожу. Ему вдруг стало безумно любопытно, у кого в этой столице столь извращённые понятия о красоте.

<http://bllate.org/book/20088/2001970>